

*НИКЛАУС Анна Александровна
кандидат политических наук,
доцент, декан факультета
управления интеллектуальной
собственностью, Российская
государственная академия
интеллектуальной
собственности, Москва, Россия
nicklaus.anna@gmail.com*

*NIKLAUS Anna Aleksandrovna
Candidate of Political Sciences,
Associate Professor, Dean of the
Faculty of Intellectual Property
Management, Russian State
Academy of Intellectual Property,
Moscow, Russia
nicklaus.anna@gmail.com*

Современные подходы к определению территориального пространства в зарубежных политологических исследованиях/Modern approaches to the definition of territorial space in foreign political science studies

Аннотация

В статье приведены ключевые и актуальные теоретические точки зрения зарубежных ученых на природу территории как способа организации пространства. Также затрагиваются вопросы критериев региональности и территориальности, симметричности и асимметричности в практике территориального устройства государств. По мнению автора, именно теоретическая и практическая потребности вызвали необходимость осмысления проблемы идентификации территории и регионов в политической науке.

В данной статье приведены основные точки зрения европейских ученых, занимающихся исследованиями в области пределов и признаков территориального пространства современных государств.

Автором произведен сравнительный анализ двух ключевых направлений, доминирующих в современной западной регионалистике: нарративный и пространственно-географический. На основе критического осмысления данных направлений, автором сформулирована собственная концепция понимания территориального устройства государства.

Вместе с тем, в статье приведены точки зрения таких специалистов, как М.Лёв, Б. Страт, К. Эдери и других, которые представляют интерес для современных политических исследований.

Ключевые слова

Федерализм; ассиметричный федерализм; адаптация; региональные противоречия; территория; пространство; регион.

Abstract

The article presents the key and actual theoretical points of view of foreign scientists on the nature of the territory as a way of organizing space. It also touches upon the issues of criteria of regionality and territoriality, symmetry and asymmetry in the practice of the territorial structure of states.

According to the author, it is the theoretical and practical needs that have caused the need to understand the problem of identifying territory and regions in political science.

This article presents the main points of view of European scientists engaged in research in the field of limits and features of the territorial space of modern states.

The author has made a comparative analysis of two key directions that dominate in modern Western regional studies: narrative and spatial-geographical. On the basis of a critical understanding of these areas, the author formulated his own concept of understanding the territorial structure of the state.

At the same time, the article provides points of such specialists as M. Lev, B. Strat, K. Eder and others, which are of interest for modern political studies.

Keywords

Federalism; asymmetric federalism; adaptation; regional contradictions; territory; space; region.

Проследить динамику научного дискурса в понимании «территории», «пространства» и «регионов» можно в ходе дебатов о границах Европы. Согласно классическому пониманию, географическое разграничение между Европой и Азией на востоке проводится по линии Уральских гор и реки Урал, а также Каспийскому морю и Кавказскому хребту. На юго-востоке европейско-азиатскую линию обозначает Босфор, Мраморное море и Дарданеллы. Это географическое разграничение Европы как континента многими политическими географами воспринимается очень скептически. Точка зрения современных исследователей¹ территориального пространства нам представляется таким образом, что понимание понятия «регион» не будет интерпретировано как «данная и утвержденная территориальная единица», а будет восприниматься как «социально конструируемая и исторически изменяемая величина».

По мнению Мартины Лёв (Martina Löw)², в европейских исследованиях охвачены 2 формата в пространственном отношении: сетевое (структурное) пространство и территориальное. Ничто невозможно объяснить «через географические характеристики» «и тем не менее географические границы создают Европе, как и всегда важные опорные единицы для политических процессов интеграции и ее нового структурирования». Этот тезис поддержан исторически-картографи-

¹ Кочетков Е.Е. Российский асимметричный федерализм: в поисках модели оптимизации // Вестник Российской нации. 2012. № 6 (26). С. 107-125; Кочетков Е.Е. К истории федеративных отношений асимметричного типа в России // Вестник Российской нации. 2014. № 6 (38). С. 357-366.

² Löw, Martina. The intrinsic Logic of Cities. Towards a new Theory of Urbanism. // Urban Research & Practice. Vol.5 No.3, 2012, p. 303-315.

ческим исследованием шведского историка Bo Strath¹, который занимался политической конструкцией территориальных границ Европы с помощью 400-летней истории исторических карт на основе географических выкладок. Против этого выступает Klaus Eder² в рамках своего нарративного подхода несоответствия модели резервуарного (накопительного) пространства характеристикам ЕС, но тем не менее считает конструктивистские подходы более скучными в той степени, в которой они исходят из конструктивных процессов без материального гандикапа. Согласно Эдеру, «дефиниция естественных внешних границ – социальная конструкция, которая признана быть столь же достоверной, как и относящийся к этому нарратив»³. В любом случае эту критику можно направить и на нарративный поход и спросить, ведет ли решение пространственных проблем «в истории» скорее к затуманиванию, чем к просветлению или, как минимум, к сокращению проблем с границами, и рассматривать ли функции всех участников как обозначение сфер господства и объекта силового конфликта. Так через историю выражаются последствия «жестких и мягких» границ, но не в полной мере их воздействие на тех (то), чьи интересы затрагиваются, тех, кто включен «в границы» (ограниченные) и тех, кто «за границами» (отграниченные), – подвергнутые и подвергающие воздействию. И тезис о «разгосударствлении» или «денационализации» регионов в свете дебатов о глобализации следует ограничить (поставить под сомнение), при этом национальные государства создают ключевые рамки международной системы, будь то форматы международных организаций (IGOs) и Форумов, будь то государства «от себя» (Push-) и государства «к себе» (Pull-) в контексте всемирной миграции. Идентичность и дефиниция регионов посредством установки границ не исчерпываются только академическим предписанием, но и решает в XXI веке классические дихотомии: свободу и несвободу, богатство и бедность, жизнь и смерть. Признание границ регионов как формирующих то, кто и что включен «в границы» (ограниченное) и кто и что «за границами» (отграниченное), представляет собой сегодня нечто большее, чем теоретическая и практически-политическая задача.

Методологический конструкт к региональной идентичности должен представлять, на наш взгляд, трехмерную задачу: исходя из операционального понятия идентичности, необходимо реконструировать региональное измерение (масштаб) как каркас многомерного концепта идентичности, в котором, с одной стороны, будут видимы линии между теми, кто включен «в границы», и теми, кто «за границами», с другой – будет различима многомерная и многофункциональная структура тех, кто включен «в границы».

¹Bo Strath. The Political History of European Integration. The hypocrisy of democracy-through-market. London: Routledge, 2010.

²Klaus Eder. The Social Construction of Nature: A Sociology of Ecological Enlightenment (Published in association with Theory, Culture & Society). 2019. p. 22.

³Там же.

Методическим инструментом передачи этого разнообразия служит концепция границы, категориями охвачено многообразие опытов, граничащих с риском. Отметим, что тот самый «идентифицируемый включенный «в границы» (локализованный)» не должен рассматриваться как статичная картина, а представляет собой динамичный продукт трехмерного процесса идентификации, который придает «региональной идентичности» конкретный образ и может иметь фундаментальное значение для жителей региона внутри и за пределами его границ.

Как нам представляется, синтез между понятием идентичности в традиции Аристотеля и в русле современных коммуникативных теорий не только возможен, но необходим для того, чтобы преодолеть односторонность и использовать его как комплиментарные элементы в рабочих дефинициях. Их пригодность возможно определить только через перепроверку «понятия идентичности» в концепции, которая в состоянии охватить междисциплинарные контуры и многомерные уровни. Трактовка этого многообразия достаточно абстрактна. В этом отношении мы определяем «идентичность» в ее самой общей форме как продукт процессуального объединения и дифференциации.

С помощью процессуальной триады intersубъективной идентификации пассивного – «быть идентифицированным» и активного – «идентифицировать себя» как процесс и как продукт, – субъект и объект конституируются и через дифференциацию между «ограниченным» и «отграниченным» как символическими системами «внутреннего» и «внешнего» (отличия, несхожести). Конкретное содержание этого процессуального единства заключается, прежде всего, в определении референтных уровней как персональных, социальных, коллективных, культурных и территориальных. До тех пор «региональная идентичность» может быть дефинирована исключительно как пространственное объединение, чей (ре-) продуктивный процесс направлен на приписывание (атрибуцию), строение и продвижение региона в данных границах, и чей продукт обозначен регионально определенной вертикальной ограниченностью и горизонтальной отграниченностью личностных, социальных, коллективных, исторических и культурных идентичностей (регионально обусловленная несхожесть). При помощи данного определения можно выделить соотношение границ и «ограниченного» и «отграниченного» как символической системы становления региональной идентичности.

Все, что касается регионального единства как специфичного предмета и структурных рамок становления идентичности (и сверх них), которая устанавливает пределы идентификации по тому, в какой форме появляются смысловые значения и управляется ориентированность на практическую деятельность, а также проявляется региональность, открыта ли как безграничность (обязательная инклюзивность, отфильтрованные по значимости = обусловленная инклюзивность) или отослательно закрыта (обусловленная эксклюзивность или абсолютно

закрытая, безусловная эксклюзивность). Согласно нашей концепции формирования идентичности, элементы системы в частности зависят от структурных аспектов, которые с одной стороны, содержат в себе горизонтальные отношения между региональным «ограниченное и отграниченное» (единство через дифференциацию), и с другой стороны, многообразии «ограниченного» обозначает через вертикальную интеграцию их формальное, материальное и/или символическое единение (единство в дифференциации). Структурность обнаруживает тем самым как дифференцированное многообразие их региональных компонентов, так и параметры сцепления (сплоченности) их специфических структур, акторов и программ.

Так, с одной стороны, обозначены горизонтальные интерактивные отношения субъекта или актора к «отграниченному» и, с другой стороны, их роль «создателя сплоченности» в многообразии, заключенном в границы. Их субъекты являются настолько создателями единства в действии, насколько они, с одной стороны, способствуют горизонтальной сплоченности этого многообразия, и с другой стороны, способствуют вертикальной интеграции. Наконец, программа направлена на такое отношение к объекту, которое характеризует форму и содержание, цели и средства, регулирование и институты «ограниченного» как формальную, материальную и/или символическую репродукцию (воспроизводство).

Если мы выберем это понимание региональной идентичности как эвристическую исходную точку нашей теоретической концептуализации и эмпирической операционализации, то становится очевидным, что речь идет не только об «объективной» или количественной (т.е. измеряемой и измеримой) идентификации физических границ, но и о субъективных и интерсубъективных формах восприятия и действия, посредством которых устанавливаются латентные и манифестные границы, чей качественный характер может выражаться в формальных, материальных и/или символических актах и индикаторах установления границ. Граница становится таким образом главным посредником в формировании региональной идентичности. По аналогии с понятием идентичности дефиниция понятия границы подразумевает (требует) высокой степени абстракции, чтобы охватить многообразие его конкретных манифестаций.

Вопрос идентификации совокупного территориального пространства, как межсубъективного объекта восприятия и атрибуции для жителей региона до сих пор остается открытым. Но, сверх когнитивных карт восприятие географических границ доступно пониманию и через население, в то время как системное сознание и его элементы зависят от подходов и акторов атрибуции. Ключевым в конце концов является то, насколько сильно натянуты границы между территориальной системой и ее окружением.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Löw, Martina. The intrinsic Logic of Cities. Towards a new Theory of Urbanism. // Urban Research & Practice. Vol.5 No.3, 2012, p. 303-315;
2. Bo Strath. The Political History of European Integration. The hypocrisy of democracy-through-market. London: Routledge, 2010;
3. Klaus Eder. The Social Construction of Nature: A Sociology of Ecological Enlightenment (Published in association with Theory, Culture & Society). 2019. p. 22;
4. Кочетков Е.Е. Российский асимметричный федерализм: в поисках модели оптимизации // Вестник Российской нации. 2012. № 6 (26). С. 107-125.
5. Кочетков Е.Е. К истории федеративных отношений асимметричного типа в России // Вестник Российской нации. 2014. № 6 (38). С. 357-366.

REFERENCES

1. Löw, Martina. The intrinsic Logic of Cities. Towards a new Theory of Urbanism. // Urban Research & Practice. Vol.5 No.3, 2012, p. 303-315.
2. Bo Strath. The Political History of European Integration. The hypocrisy of democracy-through-market. London: Routledge, 2010.
3. Klaus Eder. The Social Construction of Nature: A Sociology of Ecological Enlightenment (Published in association with Theory, Culture & Society). 2019. p. 22.
4. Kochetkov E.E. Russian Asymmetric Federalism: in Search of an Optimization Model [*Rossiyskiy asimmetrichnyy federalizm: v poiskakh modeli optimizatsii*] // Vestnik Rossiyskoy natsii. 2012. № 6 (26). S. 107-125.
5. Kochetkov E.E. On the History of Asymmetric Federal Relations in Russia [*K istorii federativnykh otnosheniy asimmetrichnogo tipa v Rossii*] // Vestnik Rossiyskoy natsii. 2014. № 6 (38). S. 357-366.